

Лариса Володимирова
Избранные стихи. Проза
Том 9

Лариса Володимирова
Избранные стихи. Проза
Том 9

ISBN/EAN: 978-90-816373-1-2

Издатель: Jos Dinkelaar

E-mail: dinkelaar@xs4all.nl

Иллюстратор: Алиса Володимирова

Copyright © Алиса Володимирова, Александр Кремер

Дата издания: 19-01-2011

Место издания: Амстердам, Нидерланды

Email: volodimerova@xs4all.nl

Сайт: <http://www.russianlife.nl>

Larisa Volodimerova

ISBN/EAN: 978-90-816373-1-2

Titel: Verzamelde werken Larisa Volodimerova

Subtitel: том 9

Schrijver Larisa Volodimeorva

Uitgeverij Jos J.F. Dinkelaar

adres: Fregat 111

1113 EG Diemen

The Netherlands

email: dinkelaar@xs4all.nl

Illustrator: Alisa Volodimerova

Bibliografische druk: 1

Illustraties: J

Aantal pagina 454

Prijs 34.00 euro

Taal: Russisch

Verschijningsdatum: 19-01-2011 (vermoedelijk)

Verschijningsvorm: Boek

Bindwijze: Gebonden

Website: <http://www.russianlife.nl>

Немножко избранные, метафизические стихи-молитвы 2004-2009; попытка исследовать смерть и эротику. # - правозащитные стихи.

Для тех, кто усмотрит лишь пессимизм и самолюбование: параллельно этим стихам-исследованию широко публиковались проза и публицистика, т.ч. здесь представлен сознательный срез восприятия, пусть во многом автобиографичный.

Это стихи сосуществования, проникновения, на непрерывном дыхании. Я жду момента (катарсиса), когда строка позволяет заглянуть за грань, в последней точке; пишу набело на экран и публикую подряд – в тех медицинских и дальновидных целях, для которых умер Сократ. Без малейших сравнений. Стихи полифоничны, иногда читать легче вслух.

Мне было б трудно все эти годы работать без помощи дочки Алисы – и немецкого издателя Александра Барсукова.

* * *

Как жила я без тебя?
Тихо по воду ходила,
Золотую рыбу удила,
Сigaretой душу жгла,
Рябь смывала с небосвода.

Больше я тебе не буду
Эти слезы причитать.

Смерть поспешна и смешлива
От восхода - до прилива,
А едва налево глянул –
Я, запретная черта.

* * *

я столько лет ищу тебя,
но виртуальная страница,
скользя по небу, сторонится
меня, как будто простыня
сползает, обнажая лица
не те. в последней правоте
к тебе протягивая руки,
я надломилась от разлуки
и угасаю в пустоте.

* * *

Потрепещи при музыке, душа, -
Я посмотрю, ты изойдешь слезами
И кровью клюквенною, вороша
Все то, что было жизнью и любовью,
Что мы убили сами неспеша.
С чем ты осталась, глупая, гроша
Не стоя
 в эту полночь вдовью?

* * *

я так люблю тебя, мой друг,
из первых рук мне данный небом,
что никогда ты ближе не был,
чем этот свод, и этот крюк
для втаскиванья в амстердам
таких, как я, наизготовке
дрожащих и прошедших дам
на полуночной остановке.

* * *

твой голос истончился и озяб –
«игристое» в бокале напросвет.
нельзя тебе туда, где звук назад
повернут, нет.

и доза велика нам, косячок
расширил от удара твой зрачок,
в угаре страсти бросив это тело -
как я хотела.

* * *

спите, чувства, я не трону эту боль.
не заломит, не заплещется листвою.
у меня над изголовьем всё с собой -
эта память, эта плетка, этот вой.

там в подушке похоронены слова,
не найти меня на бранном и на брачном,

и на смертном не застать меня, едва
день зайдется этим солнцем однозначным.

пусть горит оно тебе и шелестит,
а я вышла по кровавой той росе
от улыбок и улиток - бог простит, -
прогуляться мне самой себе в овсе

с васильками, где по памяти мы все
как стояли хороводом и гуськом,
так и выжили, - куда-то же ушли
этот дом, и эта улица вдали
с убегающим к скворешне молоком?

* * *

мышь напела мне, что было.
я уже забыла думать.
у меня сверчок снотворный
между рамами, где вата
и рябина от тоски.
я ни в чем не виновата,
ты же сам разжал виски.

ну-ка мы по стопке, что ли,
или елочкой занюхай,
по игрушкам не ходи.
а ни зрения, ни слуха -
только память впереди.

я-то, милый, погадаю,
но тебе не нужно знать,
как сама я пропадаю,
как по имени позвать, -
то ли белый, то ли черный,
горько-сладкий, но живой, -
ты сияешь мне озерный
под водой сторожевой.

* * *

этот вальс у тебя на руках -
говорят, мы уже в облаках,
ставят свечки и плачут ночами.
погляди, у тебя за плечами
столько солнца, что мне не обнять,
это память, чего ж тут понять.
новый год мне приносит тебя,
к елке ставит, по комнате кружит,
жизнь мою сокрушает и вьюжит,
оттенья, оттесня, отчего
мы бессмертны? хотелось бы лечь
на плечо к тебе и не проснуться.
вместо этого головы с плеч
наших падают снова и бьются,
чтобы мог ты хоть там улыбнуться.

* * *

О.

И даже ты
в адажио дождя
меня от жажды, жадный, не излечишь,
подав ответ на этот влажный лепет.

Бумажный свет в молитву возведя -
о нет, на паперти я эту милость
прошу тебе, чтоб я не изменилась.

Бери меня за тридевять земель
такой - ненужной, скомканной, недужной.
Ты, набожный, на этот вопль натужный
и не оглядываешься, заметь.

А христианство выкреста?! Стиха
распяты? Это дождь вбивает гвозди.
Но змей клубок не распрямить, пока
рука дрожит - не на словах, а возле.

Как ядовит мой голос по весне!
Так языком я проведу по строчке
нарез, еще не требуя отсрочки, -
уже прося не вспомнить обо мне.

* * *

В.

Мой мальчик стоит над ребенком,
разрытым у края строки,
в сторонке да из-под руки.

Да кто виноват в этой смерти
двойной, как страница в конверте,
разрубленная пополам!

Но бабочка выпорхнет - в сети,
и в небо поднимется ветер -
душа, поделом, по делам.

* * *

Хорошо не помнить жизнь!

Что ей надо, никудышной,
в этой заводи камышной
рыбку белую верстать
не себе, - тебе под стать.

Закадычный мой дружок,
вот и ты за горизонтом
дышишь пламенем, озоном,
целишь по небу движок.

Приходи сюда, я здесь
в поцелуях и плевках
донесу благую весть
на протянутых руках.

ни отца нет, ни могилы, и с конца,
как с листа, ты жизнь читаешь оттого,
что меня не знаешь, я лишь –
отраженье от тебя - и для Него.

* * *

прощаясь, говори начистоту.
вместила боли – сколько я смогла,
хватило силы – сколько я сумела.
не обогреть лучиной полк солдат
с закатанными рукавами.
не приручить искусанных детей
и взмыленных изглоданных животных.

что собиралась птица мне сказать?
что рыбка золотая за стеклом
и арестант глазами голубыми?
не только то – нельзя же уходить,
не досмотрев
сквозь мыло сериала.

* * *

как таракан, уставясь в угол,
со мною смерть не разлучалась.
но тлеющий лелеют уголь,
ах, искры гаснут на лету,
не разгорится пламя, выгнал
ты эту душу в высоту.
вот этот смятый воздух, смутный
зов родины сиюминутной,
от колокольчика пыльца
над церковью лиловоглазой,
где я не вспомнила ни разу
ни нас, ни сына, ни отца.
ты говоришь, мы жили? разве.
но без начала и лица.

* * *

обои без клопов – непостижимо!
но у меня в душе скребутся мыши.
они таких стихов мне понапишут,
что правды нет и выше, боже мой!
домой вернуться – обознаться телом,
ползла оттуда, а туда – летела
ромашкой, обрываемой зимой,
в снегу и через не могу.

* * *

Ц. и М.

у великих поэтов
нет ни похорон,
ни могилы
именноИ,
от ворон и червей ускользящей ночью,
нету черни у гроба, - от грома аплодисментов
только молнии пышут в растрескавшихся небесах,
затихая от слова,
которым томительно дышат
невесомые души, услышав и не написав.

* * *

я вспоминаю, как была землей.
но нет, водой
и воздухом бескрылым.
я обхожу могилы стороной:
еще томиться там,
и я забыла,
откуда выход, а точнее, куда,
когда у горла плещется вода
и не внимает
этой песне стылой.

* * *

(Тамаре Поддубной)

философия поэзии блесит
вот как соль, и снежный ком, и санный путь
или музыка, зажатая в горсти –
погрусти, послушайся, забудь:
никуда ее не повернуть,
никогда за ней не добрести.

* * *

мой малыш по имени выкидыш,
был бы защитник и первенец, -
как ты меня там слышишь,
прижатый по-прежнему к сердцу?

я с тобой могу посоветоваться,
сколько мне биться по свету,
где без матери и без отца
переносится птицей пыльца,

и где я - с цветка на цветок,
только слову - единоверкою.
а на клетку накинут платок,
как на черное зеркало.

* * *

я ненавижу благочестие,
добропорядочность, соборность
и стадность, - кучевые очи
замызганности туч и прочих
тех, кто витает в облаках
и ждет завистливо: а если я
споткнусь об эту беззаботность
с грудным ребенком на руках?

* * *

я доживаю на границе,
где дождь бессмысленно струится
из ваших глаз.

но и оргазм,
читай – катарсис,
прервать нельзя,
как и строку –
на всем скаку.

* * *

я просто не встретила властной подруги – а жаль,
что шаль не откинула, в шелк не вошла искрометно,

а то б я бежала прохладней, чем эта печаль
в червонных браслетах и тусклой одежке немодной.

ну что уж теперь! сберегла, сохранила, чиста.
- начать бы опять, как малину листая с куста.

* * *

переливается воздух от крика через гортань.
тесно песне полынью по полю бежать от себя.
дай передышку – зарыться в проезжую грязь:
позволь наконец мне упасть, раскинь эту рань
перед глазами потухшими, как река
на закате, когда самой ей хочется пить,
а ей предлагаются тонущие облака
всклинь, хотя некому некуда их отлить.

* * *

«наитие» такой имеет вес,
что падаешь под ним, оно – соитие
души и неба,
шею тянешь без

веревки мыльной – там, за горизонтом,
где солнце пахнет ситцем и озоном
застиранным, - перемешали лица,
а то и впрямь от ангелов двоится.

* * *

(из камеры).

что там делают с тобой?
на глаза наплыло небо
за чердачную трубой
напросвет сквозь ломтик хлеба,

через узенький глоток -
на завязанный платок:

не забыть еще свободу,
кровь отплевывая мимо,
знать вперед одну заботу –
растянуть еще полгода,
сжав гармошкой до мига.

отыграть, конечно, в ящик,
чтобы с музыкой на ты
нас на слове к славе вящей
проводжали с высоты:

вот и цензоры молчат,
вот и сердце... не стучат.

- перестукиваются.

и восходит новый чад
над закрытой улицей.

* * *

у меня в окне
всегда
плывет река
в обе стороны.

весь в ромашках дождевых,
там небосвод качается.

не грустите, облака,
что вас испили вороны.
и деревья, - вас не спилят
из моего взора!

получается,
 что память
крылья обмакнула
и всегда летит за нами
над волнами гула.

* * *

(возрастное).

дотягиваться словом до предмета -
еще одна сезонная примета:
трава примята, загоняет враг,
а в амбразуре тесно мне от света,
не уместящегося в кулак.

я раздвигаю строчкой горизонт,
огонь блещит, и капельные пули
меня согреют на земле в июле, -
их тоже с веток ливнем обтрясет,
чтоб не совсем погасли и уснули.

* * *

надкусишь яблочко – струится легкий сок
наискосок души

 и мирозданья,

и судорожно оставляет знаки,
и отдается ниточкой в висок,

играя напоследок с нами,
как будто день безбрежен и высок.

* * *

душу отдашь одному,
но тело предложишь другому.

стихи выцветают, как бабочки,
у них дОма нет, и ко дну

идут снегом в стеклянной баночке,
чтоб следом догнать их ему.

* * *

мужчина, тающий от щиколотки женской,
щекотки слов натужных избегает,

ему неведомо - не в дураках.

в его глазах, растерянных по-детски -
оргазм на власть, сжимавшую в руках.

* * *

горбатая цапля тусклую шею выщипывает,
и брови у нее топорщатся, отраженные
то в канале, то в небе, где вы и я
по очереди стережем ее,

чтобы цапле не поцарапали зеркало,
не накапали слёз туда, пока жизнь еще теплится
на волоске, и чтобы из пепла
молча пропела она.

* * *

воланы скрюченной реки
от раскулаченной державы
дрожали: снегу вопреки,
сюда, на запад, набежали,

как слезы первые любви,
так слезы поздние разлуки -
зови по имени, лови,
река сама дается в руки.

* * *

от ванильной сладости этого
могильного дыма отчества
через не могу не отвадить:

отекает душа,
и тошнит ее на сносях,
как будто бы вышла
не вся.

оборачивается на память,
кивает на прежних хозяев:
а нельзя ли
ее
оставить?

* * *

сегодня мне звонила только цапля, -
друзья жестоки, как чужие дети.
об этом с нею мы и говорили.

она одной ногой на этом свете,
другой – не подрифмую, где мы, или -
сама не досмотрю конец спектакля.

* * *

свой новый почерк я не разберу.

затеет небо скользкую игру,
швыряя молнии, просыпет град.

я не хочу играть,
но я умру, -

и умирать нам на ветру стократ,
и каждый раз бессмертны мы к утру.

нас вечность опрокинет, как в сугроб,
когда лежишь – лицом к лицу с сияньем.
и только солнце встанет между нами,
глаза закрыв.

целуя в лоб.

* * *

мы любим родину – за речь.
в берлогу языка залечь –
и нос по ветру.

впрок залечить себя, и снова
так отшелушиваешь слово,
идя к ответу.

я воспою и растопчу,
смеясь последней, по плечу
тебя похлопав

за всех рабынь,

гордынь, -

аминь -

за мной.

но ты меня - возьми.

(я. пенелопа).

* * *

так рыба об лед, -
я видела, но не была
тогда этой мелочью,
заводным окушком,
разбавленным сукровицей,
и с огуречным душком,
на краю полыньи-стола.

он хрустел на зубах
так, как смешок твой
озлобленный:
мол, всё в наших руках,
всё позволено:

точно *так же* в неволе мы.

* * *

пока моя одежда
горела на свечах,
ты бился - милый, нежный,
в капроновых речах;
ты извивался змейкой
малиновой, больной,
ты этой смерти мелкой
хлебнуть успел со мной.
и вот мы расстаемся:
тебе – любить, мне – жить.
- не нужно было вовсе
губами ворожить.
не нужно было разве?
не суженый, чужой,
идешь по хлипкой грязи
с объезженной душой.

* * *

если можно стихом управлять,
то – пространством и временем.

твоим замершим именем,
вмерзшим по рукоять

в ять
и значки полевые
ромашек: они – пулевые, -

их вместе с зимою объять.

* * *

1.

у сумасшедших белые глаза.
роняя на фисташковый газон
себя, они сказать еще пытаются,

что на зеленом плещет бирюза, -
сезон не сочетается, закон
не писан, и растресканный вазон

возносится, как руки у китайца,
и тормоза свистят на мостовой,
пока толпа так обтекает тело,

как я б сама хотела, головой
кивая на зеркальный образ твой,
в котором птица мертвую летела.

2.

вспотела птица в зеркале ручном.
оно у губ клубится и туманит, -
оно обманет, на краю речном
тебя русалка мелкая поманит

не леденцом, - осколкам льда во рту
тепло и тесно песенкой струиться,
я томный взгляд волною оботру –
опять двоится и теряет лица,

зачем окоченевшие к утру.

3.

уже ты задохнулся, милый друг,
а все тебя не выпущу из рук –
не вытащу на свет водоворота.

моя работа пристальна, как сон,
со снегом сходит проливной сезон,
а жизнь на смерть глядит вполоборота.

что ты выдумал – приручить меня,
перевысмеять!

а я утоляю болью -
самое сердце,

а я воистину
от себя лишь зависима!

ну плесни еще, что там на донышке,
песенка едкая,

ты струишься во мне
той же тайной печалью и памятью,

как цыганка гадала, да бросила полночью –
едем-ка!

что же сами с тобою бессильны мы,
что ж это сами-то!

* * *

а если я вуаль приподниму,
то ты забудешь, как идут ко дну,
кому к ногам положено прибиться, -

тому я только пальчиком грожу,
кто сам сюда ступает по ножу
и заговаривается, как птица,

запутавшись в тенетах кружевных
и, наказанью поцелуя внемля,
всё тычется, когда иду на вы
отвесным льдом на жаждущую землю.

* * *

отвесным сном, сплошным «не полюблю»
тебе я тоже вечность уделю, -
мне удаляться так легко в изгибах
чужой души, ненужной, как бокал

испытый, из которого алкал
еще вчера взаимности, - но ты бы
меня держал, пока я на дыбы
все норовила, поводя очами -
не на тебя. от пройденной судьбы
отламывая музыку лучами.

* * *

на террасу вынесено лето,
опоенное собою, опоясано
шалью незабудок и ромашек.

жаль, что нет обратного билета.
стрекот стрелок предвещает ясно:
уезжаешь, чтобы возвращаться, -
отстающим из вагона машут.

подними мой веер, а ресницы
опусти, как было, чтобы длиться
нам с тобою дольше, может статься.

* * *

муза, продажная девка, опять на панель?
мужа тебе в неостывшую за день постель, -

муж как шампанское плещет и тает во льду, -
холодно. нет, я к тебе никогда не приду,

мушку поставлю туда, где пером не достать -
вставлены перья, обломлены по рукояць,

только страница сквозная скользит и дымится,
комкая наши остывшие, павшие лица.

* * *

я на свиданье с тенью прихожу,
острю булавку: душу пригвозжу
заезженную, сброшенную с плеч, -
ей с первой встречи полагалось лечь.

вон у лягушек новая весна!
бессонница, бестыжая блесна
не мЕсяца, - то вознесенный луч
везде догонит, годен и ползуч,

как в строевой отчизне, от зубрежки
устав - отбив последние ладошки,
где после близости была тобой
так, будто по тревоге боевой.

* * *

стесняться птицы обнаженной...
не обнажась, но нежась; в жены
себя не проча никому –

пророча музыку ручную,
мурлыча песенку мучную,
речную вязкую му-му.

всё против шерсти и рябины –
рябило небо там, на родине,
где я себя саму забыла,
пока звала и хороводила, -

но откликалось отражение -
без выражения, с акцентом.
сплошь, как таблица умножения,
зазубрено - в крови пинцетом.

* * *

дух человека не сломить ничем.
нам по плечу все божеские муки,
а божьи руки держат эту чернь
на расстоянье, как цветы и звуки

твоих сокамерниц сторожевых.
ваш надзиратель сам устал – ползком,
тишком казаться все еще в живых,
а ночью биться, плача ни о ком,

как птица в стёкла – россыпью кровавой,
не понимая то, что боже – правый,
что зеркала кривы в его глазах,

что мы замолим всех своей оравой,
и что бессмертен бесполезный страх
в пустых, навстречу поднятых руках.

отодвигая тело, напрямик
общаться. но зачем же это чудо
колодезное, где зрачок приник
и наисходе пьет нас ниоткуда?

на острие угольного ушка
так серебрится боль исподтишка,

что мне мешает взгляд остановить.

собака тоже смотрит загадочно -
но, как слепых, внимание с поличным
нас выдает - и снова тянет пить, -

лежать
растерзанной тобой в избытке.

но, собирая бусинки по нитке,
лишь охлаждаю наши души в пытке.

ты на хрусталике завис
и капнешь солнцем.
сюда вокзала, не сюда бежать,
у данта
мы - вечный вихрь ван гога,
вóрон соткан

вот, изволь. в изголовье круги
поцелуя по нарастающей.

это та еще стая?.. подтаявший
снег летит с наших крыльев сквозных.

гроза! кричат лягушки, кавардак.
так пузырятся поцелуи гневно,
пока не приструнишь себя, и так
бежишь от смерти, а идешь – за нею.

ну что б ни полюбил, - в пыли валял
расхожий и проезжий идеал,
из одеял вываливая розы
и без наркоза разливая прозу,

как материал. знакома поза: яду!

но что же делать, если эта жизнь
двоится жалом и бежит себя,
на отраженье натываясь взглядом?

и, чтоб воскреснуть, нужно умереть.

мои друзья, вы сладко предаете
самих себя, поскольку нет меня,
и пыльный луч сквозит на переплете
не причиняющего боль огня.

мышь сна

вздохнула. память

тишины

прерывиста, как поступью хромого
прошитый лист, когда ты хочешь снова
перевернуть страницу наизусть

и видеть
те же сны. а я боюсь
не встретить
никого земного.

завтра – лучше не будет,
и быть априори не может,
придав искусственное дыхание
любви и стиху, -
даже если меня не стреножит
на полном скаку,
то никогда мне не выйти в люди –
и не приблизиться к тебе, боже.

а все же,
потрепыхавшись серебряной рыбкой
в тяжелых ладонях,
я знаю:
здесь – не догонят.

бездари бездарево, неуместное, пресмыкаться.
а нам – воскреснуть, не пререкаясь дальше.
нет фальши в дыхании, протянувшемся от звезды
до звезды, чьи лучи не видны,
и не подкожные даже.

та же
стезя –
волочить свое распотрошенное тело
по небу, где ты говоришь: - нет нельзя,
раз хотела!

и я отчаянно - отвечаю.

для того и взлетела.

догоняй меня, алмаз,
льющийся из теплых глаз!

где ты спрятал землянику
в этой хвое расписной?
не к земле же я приникну!

я привыкну под блесной.
потянусь через волну –
а вильнула в камыши,
не оставь меня одну.
затаился. не дыши.

опиши мою вину,
заточив карандаши.

перегони мне к берегу эту душу,
захлебнувшуюся воздухом и опять отошедшую, как при рождении,
в воду и кровь.

я ее прутиком трону,
и кислота муравьиная растечется кругами,
как на память - любовь.

но введя тебя подкожно и внутривенно,
мысленно и – куда же я дену
эту реку, и руку бьющую,
когда наказание любящим -
это вечный вихрь одинокого данта.
так за что же мне дан ты
в лесной тишине пограничной!

гузка женского развала,
резвый пестик комариный,
конский волос от души
залетевшей в поднебесье –

а знавала, распиши
поименно эти веси
теми выбросами лжи,
где ты фальши не известен,
где ты - дальше проложи.

а бывает это ближе?
где тебя уже не вижу,
там сливались голоса
в устоявшие леса?

где тропинкой вьется к дому
меж стволов дымок, истому
возводя в закон дождя, -
косо в небо выходя,

в жизнь
 обрушившись.

эти три поколения, а смутно - даже четыре,
любят меня по ночам - их мужчины, их женщины и их собаки,
живые и мертвые, ставят меня на колени,
попеременно и вместе, отталкивающие в атаке
нелобовой, захлебнувшейся хлороформом, -
а потому и покорной. но от наслаждения власти –
спаси меня, боже, все же вытряхнувший из страсти
меня без души и кожи.

Ab ovo.

последним было слово. там, в конце -
начало. было слово об отце -
и сыне: истина – в яйце,
чтоб умирать и возрождаться снова,

немая – обретешь язык, -
он в смертный час, душа моя, возник,
твой стон вбирая за основу.
взимая молчаливый крик.

река бежала и застыла на ходу –
и я сюда, и я сюда иду,
и ясен мне, течением размыт,
мой отраженный, мной испытый вид.

от боли пьяная, не нахожу я зла
в груди, пронзенной искрами страданья:
здесь у меня последнее свиданье
с любовью, несвершившейся дотла.

ну что сказать ей напоследок? надо
нам и над нами посмеяться, крошка!
мы свечку ставим, но не точку: рада
отсрочке ты, бессмертная душа?

тогда хоть помолчи со мной немножко –
не открывая глаз и не дыша.

«целуешь всю», на расстоянье океана –
и под водой, где без обмана
по памяти рябит от глаз,
и пузырьками поцелуя
мы, не таясь и не ревнуя,
глядимся тем, что после нас.

все равно снег пойдет снизу вверх, обтекая луну.
неуютно одной возвращаться ко дну, где одну
размешают со всеми - и выдадут каплей ребенку.
молча выдует ветер пустую мою похоронку.

безымянен, как мастер, - безлик в одиночестве бог.

тэтрис прозы - и нерукотворных стихов слепота,
вот игрушки его от страданий моих и оков, -
но как страшно ему самому – мой отец-сирота
там, где меркнет последняя, общая наша черта!

песок струится и щекочет,
шуршит и знать меня не хочет,
и только ночью, отсырев,
он прекращает бег и рев.

цветок, растоптанный пьянчужкой
в любовном танце перекрестном –
как пеной вынесшую кружку,
разглядывать неинтересно.

прибоем выброшенный остов -
пичужку, чушку, кочерыжку,
моих смятений бедный остров
и девочку вдали, вприпрыжку.

1.

дурная бесконечность сонной жизни,
когда не помнишь вечером, что утром.
полынным снегом вытерта душа,
мужчина пришлый на груди клокочет,
весь очень занят тем, что неспеша
он больше знать меня не хочет.

2.

рябит рекой и солнцем в камышах
и всплескивает радужное тело
тягучей музыкой в ушах,
чтоб я его попробовать хотела
по памяти и так, через плечо,
пока еще от взгляда горячо.

3.

души дождем проливаются и на ветвях застревают;
снежным дыханьем исходят и крошевом звездным.
наст ноздреватый и лобный нас призывает
уткнуться, не видеть: всё нам,

еле живая,

поздно.

твой зоркий *глаз* меня влечет и дразнит.
о, разве этот праздник нам в толпе
не скрыть и от себя самих, - приязни
не удержав?..

я плачу о тебе,
по памяти любовь изжив за нас,
отцеловав и в профиль, и анфас
между страниц, как мотылька в пыльце –
с иглы взлетая, тлея

на конце.

в глубине
твой розовый глазок
надышал движок,
кружок прожег,
наизнанку вывернув душонку.
ах, немилый! ох, наискосок,
ой, пощады,
выплюнь волосок,
эх, не надо.
ай, - но ух, как звонко!

в земле еще прочней, чем над землей,
в твоих руках летать и отражаться.
когда змея нацеленного взгляда
улыбкой шевельнет – уж не со мной
ты обернешься, томная прохлада,
взиравшая при жизни кровожадно, -
теперь уже теплой меня самой.

(колыбельная арестанту).

спи, мой милый, кандалы
станут сильному малы,
вены вздулись под мишенью
в наши пятые углы.

крыса рыщет, каплет кровь,
воздух приторный сочится,
говорит – не прекословь,
бережет тебя милиция,

вымерзает таракан -
пролетарий разных стран,
это розно мы с дозором
опрокинули стакан, -

мы к тебе идем с позором,
где нам всё по барабан.

за свободу на стене
распласталась тень, как эхо
Человека: это - мне
счастья, радости, успеха.

метрика секса и удары в сердце стиха.
дождь разгорается, что ж ему не пропечатать.
три вороны повыцвели, скошены из-за стекла
или смерти, - уже побежала наискосок и стекла,
да зацепилась о край жизни початый,
об угол любви непроложенной, сторожевой,
восходящей к закату ягодой дрожевой.

прощай, последнее! под ваше улю-лю,
под птичьи трели, нерасслышанные вовсе,
«люблю» вздыхает прелью, - веселю
тебя слезами ясными, как осень.

протянешь руку – камень тут как тут,
молвы броженье, отторженье плоти,
скрещенье душ, но за одной – идут,
оттуда, где уже другой найдете.

*«Мне жизнь глядит в глаза и пьется от страха...»
Верхарн (Волошин).*

1.

непорочное зачатие от вибратора
не точно что без греха, но прочно наощупь, -
вдохновение нелюбви, где все мы братья,
и нет обратно пути, где полощут
имя твоё, лузгая семечки в клубе сельском,
запивая сельтерской,
плотской,
постельской, -
на пастель облаков променяю последнее
исподнее, но туда доползу по следу я
этой плоской луны, по запаху медуницы
тёла, пустого от счастья, которое снится.

2.

всё он любит с прохладцей и смотрит через плечо,
наизнанку вывернув душу и лоно,
перегнув меня, никакую, и с полупоклона
окуная туда, где от музыки горячо,
и когда, поднимаясь, опускаешься, -
и наоборот,
как в «комедии» данта, где пока ещё
в оборот
не взяли, душонку зажав уже в кулаке,
и разглядывая, от последнего пристально

невдалеке.

3.

мы с мыслью коротали век
наедине при всех,
какой-то человек прошёл,
не обернувшись, рядом,
и взглядом окатил - и смех
и слезы, камнепадом.

.....

гармония и хаос смерти, *там* - и *здесь*.
одним светло; другим уже – ни зги.
зигзаги молний, весточка - и весть,
а на воде молчания круги.

Сухомятка любви распростертой издалека.
Непочата река.

Несмываема жизнь из-под маски посмертной.
Нескончаема речь перелетная, где облака
Переходят

в меня
за чертою последней.

Так прозрачна нектарная груша

со вдавленной шкуркой, -

Каплет свет, поглощаем песком

между мной и окурком.

Уже.

я забыла, как меня любили.
нет, не помню восхищенных взоров, -
слишком много было их, прохожих,
а самоубийцы в стороне
под землей вздыхают обо мне,
потому что наконец-то скоро
ты уже меня заметишь, боже,
чистую - на медленном огне.

* * *

всю родину в измученных глазах
перетаскать по камешку, по капле
по памяти, узлами завязав
чтоб выцветшие лица не иссякли;
снегирь озяб, его перетяни
потуже, горло липкое прервется.
забыли музыку. зажгли огни.
монетку брось – она к тебе вернется.

(вар: узлы перевязав)

* * *

Гефилте фиш вздыхает на огне. Глинтвейн глумится и в корице чахнет.
Гвоздика прет, ну что ей при луне стихи с кислинкой и дурманом чатни.
Ни божьего пригляда, ни звезды – она себя в снегах уговорила, по
траектории слетая, борозды не портить, ибо вечное мерило
молниеносней жизни и зрачка, влекущего тоской и безрассудством
дыханье пара, - если с кондачка, где наши тени строгие пасутся.

* * *

дай бог тебя встречать лицом к лицу,
успев и подготовившись к концу,
открыв глаза и голос заглушая,
щебечущий, что я уже большая, -

душа, я не заметила твоих
следов песчаных, слизанных волной,
когда вошла ты гулко в этот стих
и поменялась обликом со мной.

* * *

(recce).

вино разливают откосо над краем бокала,
удлиняя струю, возвышая дыханье и голос,
чтобы светом кололась и брызгала на лекала,
а затем опускают горлышко тонко, на волос,
как можно ниже, протягивая по струнке
ненужную память, отжившее и несвершенное,
чтоб никому не догадаться по струйке,
насколько при смерти эта жизнь обнаженная.

* * *

кто бил луну до синяков
и правил бал, и был таков,
и белый свет спустил
до нитки дождевой, а вой
собачий
нам простил.

по проторенной полынье
плыву лицом к лицу к тебе,
наизготовку взгляд
слепой, - и всё-то дивно мне,
пока лучи пылят.

* * *

да и нет никаких языков, кроме птичьего –
я точку его клювом, долблю, раскавычивая.

* * *

в этом зеркале туманном
небо кажется обманом, -
я начищу небо. блеск!
в отраженьи моря – плеск,
и на леске я, подвиснув,
что-то там о жизни пискну
вроде смерти на земле,
придыханья на стекле.

* * *

что ты, жаба, обсевшая сердце,
одинокое тебе, неприятно?
полночь душит, и некуда деться:
не нужна на реке никому ты.

цапля верит в тебя серебристо,
клюв раззявит – и молча сглотнет
пустоту: это сверзилась вниз ты,
с головою моею, на дно.

* * * # (мбх).

это сейчас ты в клетке, уткнувшись в подстилку,
раненым, едва не добитым животным
как по нотам скулишь и разыгрываешь карту
судьбы: ты вернешься обратно - или бесплотным,

по нему проходит луч,
словно сердце по стреле,

слово жестью на стекле
нацарапает, везуч
в вечность.

* * *

встретиться в середине,
на пересеченье дня
в той точке расцвета,
где меня уже нету
в помине,
где нет меня.
- где ты?!

* * *

вот она жизнь шелушится, -
можно потрогать рукою,
пнуть на дороге
палкой в змею распростертую –
шатко ли, валко,
а не пройдешь стороною, как дождь, у себя за спиною, -
ноги промочишь, расквасишь – ну вот тебе ватка
с перекистью тех лесов, где томятся волнушки и грузди,
облако кровное мчится вдогонку ушедшим
и отражается в луже без грусти, вповалку
не узнавая своих узаконенных женщин.
там законная тишь на рассвете туманном;
в избах возня, скол ведра, стук ковша с матерочком, -
здесь я проездом, постоем, в том облаке рваном
я изменяюсь
пронзительно и непорочно.
выйду ль я в дали, я грудью закрою прорехи
листьев летающих, розовых раненых сосен,
осень грибная, гриппозная, я тебя знаю,
я узнаю тебя в смехе – он глух и нервозен,
в речке венозен, где я искупнусь напоследок:
день этот - вымер,
и лес этот - редок.

* * *

перебирать на память поцелуи
(перевирать по памяти объятя)
не то что не таясь и не ревнуя,
а чтоб слезами не закапать платье
парчовое, нет, лучше кружевное.
из шелка. из авоськи. из бретелек
приспущенных с крючка на взводе, к зною
готовое – и по любой погоде,
когда там взвод не вяжет из петелек
не то что лыка – облика людского
животного, и отразится в луже,
как в зеркале разбитом, та обнова
с изнанки, что - не то что мне не нужен,
а хоть во сне, да улыбнется снова.

* * *

во мне застыли реки и поля,
под снегом разоренная земля,
а в жар бросало - перед остываньем.

не сбив дыханья, не напишешь птиц,
слетающих с простуженных страниц;
не задержав руки, не бросишь камень

из-под ресниц, стекающих весной,
где с битой скачет девочка за мной,
по клеткам меловым, и босоножку

рисует ангел мой, облокотясь
на облако изменчивое, - грязь
он кисточкой снимает понемножку.

* * *

не останавливаться. - так и уходить
в движеньи,
напрягая нить
невозвращения
на круги своя,

и в ту же воду,
 где струя под солнцем
переливается, и радуга дрожит,
и розовеют раненые сосны,
и вечный жид, голландец мой летучий,
играет, перепрыгивая тучи, -
наш сон многострадальный сторожит.

* * *

я лежала бы в хевроне золотом,
я б над мертвым морем серебрилась
всей душой, плескалась в облаках
у тебя в раскинутых руках.

я бы в глину красную цветы
распускала, чтоб склонялся ты
у моей решетки дождевой

с талой, невской, призрачной водой.

* * * #

в «матросской тишине»
живут мои друзья,
не знают обо мне –
им видеться нельзя

ни с солнцем, ни с луной,
ни с мамой, ни с женой, -
и дождик заводной
обходит стороной.

не задевает их
ни суд, ни перемат:
в кругу друзей моих
никто не виноват.

они в глаза глядят,
не дрогнув, десять лет –
не много. отсидят,
но злей не станут, нет!

и, бледность отряхнув,
шагнут они в проем,
чтоб задержаться тут,
где были мы вдвоем.

на воле стобовой
поручкой круговой -
ни мертвый, ни живой,
не выйдешь по кривой.

сойдет зима на нет,
растает мерзлота -
то дым от сигарет
струится изо рта,

и позади тюрьма,
где б не сойти с ума,
где б не забыть о них –
оставшихся, двоих.

* * *

чистый лист и белый холст,
запах смеха и озона,
у овчарки жженный хвост
волочится по газону, -

нарисую – захочу! –
как по лунному лучу
пробираться к морю пьяным,

и подснежник на поляну
я подброшу, изловчу.

пусть еще взлетает птица, -
может быть, она расскажет
на земле и в небе саше,
что он может мне присниться,

и что я к нему спешу –
вот скорее, штрих последний,
не сломать карандашу
то, чем жили мы намердны,

что пронзило, пронеслось,
остывало вкривь и вкось,
на полвека задержалось -
жалость, юность, нежность, злость.

- как при жизни повелось.

* * *

глянуть в зеркало – и не ведать, кого там узнаешь
в этой женщине одинокой – змее подкольной
и волчице голодной, холодной, а я лишь
только облик хорошенький в кофточке модной

или лучше – с бретельками и кружевами,
так пленявшими тем, что их не было вовсе
на горгоне, и янус двумя головами
так двулично потряхивал: вот она, осень

осыпается в наших широтах простудных,
запахи пальтецо на своем нареченном
первом встречном, в любви этой вечной подсудным,
обрученным – точнее, тобой обреченным, -

помяни его, хлеб на стакане прозрачном
отражается в юности и первозданном
счастье вашем под небом скупым и барачным,
в блочном полнометражном без крыши и зданья.

будь он счастлив в своем одиночестве смертном,
под плитой гробовой и крапивой заросшей,
среди рощи березовой, там, где неверным
нету места, поскольку догнать будет проще

на развилке судьбы, спотыкаясь и пятясь,
на закат открестясь и на запад подавшись,
где в разбитое зеркало пялится пакость
или нечисть людская. – не нужно, раздавишь.

* * *

проезду друзей по земле, проволочило
по колючей проволоке, репью и по лаврам
мимо отчего дыма, велеречиво
растекающегося по древу и под гитару
разбудившего табор гортанно, - ораву
детства не врачевало, но оврачило.

зубоскаль теперь над мечтою залетной,
ускользающей радугой

из-под колени в зеленке,
из-под йодовой сетки тюремной
и музыки камерной, -
сердце каменно, но и оно с кулаками,
простучавши пульс кандалами и логосом –
там, где нет ни дыханья, ни голоса.

вы, друзья мои, нараспашку душой выходившие, настезь
всем ветрам, по стежку вас скукожившим и сжимавшим
с автоматом в обнимку, с телом остывшим, -

и накипь

с варенья малинового перед рассветом снимавшим
той же ложкой, что мама по медному тазу и по лбу,
расцарапанному терновым венком, - ну да полно
помянуть неживых, уходящих, не встреченных, потных
смертным холодом порно.

оборачиваюсь я на вас, как запомнила лица
или маски, приклеенные на скаку к кобылице,
к осторожной реке и острожному снегу в потемках,
по которым найдут и узнают потомки в потоке
времени,

в патоке той на тарелке с каемкой
золотой, - воровать уже можешь, как мы и подонки
общества –

эти подранки, навеки подростки,
где макар не гонял, где меня не украли цыгане,
где, дразня,

развевается красное знамя
и мониста звенят, и баят позывные, и гимн
на вставанье под небом отныне играет другим.

* * *

пчела медиста, вспоены луга,
где не ступала в похоти нога,
и пар

над пахотой восходит,
и лилии клубит водоворот,
и леший хороводит или черт
от полнолуныя ржаво с рельсов сходит
и пару ищет –

чет, нечёт –
река назад к нему течет.

* * *

клубятся отраженья облаков.
кувшинки, ослепленные желтками,
и лютик едкий, на блокнот
склонивший утонувший камень
души моей потусторонней,
и раки в речке, грай вороний,
на свет идущие в тумане.

* * *

петербургу быть пусто.

лед изломавши о гравий, огранкою схожий
с тем, чем кололи под сердце и делали взрослыми,
дустом в глаза и вытравливали как *боже,*
царя храни наравне с облаками и звездами,
сквозь пальцы текущими молоком материнским и медом
обетованным среди разрухи и голода
такого, что *хлеба и зрелищ* воротит морду,
пресыщенную костями и к строю годной
плотью, засунутой наспех в прореху кладбища
братского – медсестру мою и товарища
за упокой среди ледяного пожарища.

вот еще, как свидетельство, отражение
ваше, на парапете гранитном вкраплено
каплями солнца, доставшимися как жжение
памяти нашей потусторонней разграбленной:

эта решетка сливается с музыкой камерной,
как возмужание власти и уважение
к личности червяка дождевого, распятого
и под прожектором шедшего кровью и пятнами.

ты ли, мой дядя? мой дед? поколения скорбные
тех, кто не выдумал лучше, как честно и бережно
родину-мать, и как непротивление с мертвыми,
веришь ли, разделять под щекой с того берега
леты-невы, где и я подрезАла б свой дерн
острой лопатой, да деру дала: лучше – дер.

но у меня есть осколок плиты и торца,
там, где пыльцою сфинксы спадают с лица,
и среди ночи я вскакиваю на коня
там, где проклятая память подводит меня
к пропасти и разверзается наше столетье,
чтоб вперед батьки по пеклу проехать, дети.

что ж вы не слушались, ноги опять промочили,
шею подставили, куклу забыли, дворнягу
в дом привели (нету дома!), хамили училе,
драную кошку лечили отравой, богу
отдали душу чужую (мою, понемногу).
нет на вас спасу, но есть перекладина, след
нечеловеческой муки в том омуте света,
где не бывает зимы или лета, и лет,
нет, не бывает, и ведь призывают к ответу
за нашу глупость, грехи, но не знают стихи
то, чего нет, - дотянула! поют петухи.

* * *

штаб-лекарь чаадаеву внушает,
что сумасшедший он и сон вкушает,
и мальчики кровавые в глазах
предписывают

стыд и страх:
россия на телеге отъезжает
в его завязанных глазах.

полощет липа, сплющена дуга,
застряла в спицах пьяная нога,

что тебе ожерелья мои, опоясан стан,
кружева расписные вокруг,
да оборочки?
не печалься, залетный друг!
да налей стакан
к хлебной корочке.

* * *

каждый милый – клен заледенелый,
обнимай его по первопутку,
тело в шутку превращая, белой
ручкой делая, и на минутку
отзывая шепотком признаться,
словно не умеешь целоваться.
а заря заблещет не твоя –
это дрогнет на стволе струя,
он замочит не таких зеленых,
окуная с кровью корни в крону.

* * *

еще нужно совпасть во времени с родиной
и любимым (своим, желательно), помоги мне
окосить, пока малыши спят, болотину,
и в речной песок окунуть наше имя, -

а ты помнишь, сколько он весит, ненареченный,
между лилий тягучих, напоенных влагой?
не спугни стрекозу голубую! нет, не при чем мы,
если стерпит и нас
пепелище, бумага.

маргаритки в траве я уже обогнула,
мне до оводов нужно успеть, когда дети проснутся,
затупилась коса моя, и задыхаюсь от гула
насекомых и дальнего дизеля (на руки – дула,

не поможет, я стерла до крови). до выводов надо
добрести, раздвигая тяжелые ветви черемух,
вот я выдерну острие, и о камень ограду
облокачиваю – и плечом подпираю. о чем мы

говорили с тобой, моя тень набежавшая? порознь
жизнь прошла, о гранит я точку свое лезвие, жало,
от реки волочила я ирисы – радуйся, порось! –
а из лесу от ландышей я и сама убежала.

* * *

когда к поезду подкатит вокзал эйнштейна,
то не будет суть важно в атмосферном давлении,
какая там переходящая влажность - и шейный
платок в петлю, как ненависть - в умиление, -
или просто от лени, привычки, оскомы
и от того, что все дома.

когда дома нет, и сосед вгоняет по шляпку
седую голову, то отразится мальчик,
вечно готовый и бредущий по шлаку
шпал в никуда, ведь мир вокруг так заманчив,
что заманил на край света, когда ширинка =
равно полотенце, религия, и в обнимку

с богом бегом, не оглядываясь на толпу,
камни бросавшую с присвистом, улюлюком,
в пятках ату и дыханьем в затылок, лбу
неподвластному при стечении людном,

когда мысль изменяет, а воли в помине нет,
потому что тюрьма отдает свободой и водкой,
вольным ветром в ушах, пока не приходят за ней,
за душой - и целит кривая прямой наводкой.

* * *

детсадовский шкафчик
с наклейкой,
наклонна
плоскость листа и времени жизни, где,
пленной,
пыталась остаться чиста – и обыкновенной,
абы как, да авось
удалось бы не удавиться и потеряться

* * *

пиявки выловив и вымостив дорогу
навстречу маме, возвратившейся с работы,
я кровь от пыли очищаю, - понемногу
я набираю выше краю обороты,

«родная речь» посторонилась, на страницы
спустилось солнце, за обложку забежало,
а я восьмерки накручу, покуда спицы
мне не припомнят, что так больно за державу.

залив залижется собачкой, злопыхает
огонь в печи, на сучьях мох и муха сдохла,
смола повыступит, как слезы, вертухая
в тени пригрев, а все же что такое плохо

нехорошо еще я вызубрила, лучше
мне не бывать, а убивать и я успею, -
что только поезд голосит на всякий случай?
- постыла женщина, и ягода поспела.

* * *

шаровая судьба – зигзаг
неудачи, возьму за так.
и желтую наледь собачью –
впридачу,
и покурить натошак,

и белого солнца пар
заиндевелый, скрип
наста, и из-под нар
сорванный крик охрип.

полозья врачуют снег,
смеху-то доупаду!

разведи меня с родиной, - с ней
на том свете встречаться надо.

* * *

бруски покраснели. стружка душистая, влага опилок,
эхо кукушки в ранах смолистых сосновых, -
так хорошо засыпАть под крики чужие, мой милый,
под стоны ветра, водопада и слова!

райские яблочки – полный подол на поляне,
вафельное полотенце от крови топорщится,
наших пытаются – а мы с тобой даже не взглянем.
что я им, надсмотрщица?

так проходи, не задерживайся, можно тоже без очереди,
много таких развелось – что от боли скукожены.
ах, подморожены кисти рябины, и дочери
я объяснить не успею уже это всё же, но –

не приклоняться, забыть, чисто выскоблить память,
в зеркало встать – и надеяться быть человеком
после того, что мосты там сжигают за нами,
перед набегом!

ан невозможно, повидлом давясь, всухомятку
юность глотая, отстаивать омут у дома:
дети «чужие», какие у вас непонятки!
крайняя хата - впивается в сердце больному.

* * *

конь – летит! шаркают в воздухе все четыре ноги,
их заносит на поворотах и рытвинах.
помоги ты мне вытащить завязшую, где ни зги,
душу из жизни отринутой!

отрывной календарь, чтобы пусто ему, бесконечен -
я уж скрепку ему отгигала, спускала листы,
но он хочет продолжить и мучить такую из женщин,
от которой теперь отшатнешься и ты –

тьмы крошечной во мне не признав, закоулков и эха,
где моченые яблочки и на спирту фитилек
еще светит и вам – тем, кому не до смеха,
путь далек, мир поблек, - обойди стороной уголек.

* * *

то же вино – что цикута, что одуванчик.
та же красotka чулком о чулок прошуршала.
нет, не полюбит – не сомневайся, мой мальчик,
вот полужалок тебе, от слезы обветшалый.

вот и порог, не родимый: откуда же взяться.
скажешь на память - и рыбку спугнешь золотую.
треснуло зеркало, в нем расползлось азиатство.
дай на ладонь, я еще и не то наколдую.

но поспешай: притомилась твоя пенелопа,
искра в очах, в рукаве левизна и отчизна.
что же такое твое хорошо, если плохо
миру во имя твоей вековой полужизни?

я на бессмертье меняю булавки и тряпки,
я на молитве в тебя не успела взглядеться.
что же ты плачешь, мой мальчик? я срезала прядки.
все оставляю тебе, но зачем тебе – сердце?

* * *

О.Б.

эта черная кошка дыханья
слишком длинным хвостом зацепила.
эта дама курилась мехами,
засмотрелась на воробья:

оказалось, что я за стихами
не видна, через горлышко пива
мы слезами следы застилали,
мы следами слизали себя.

ты сегодня картавишь иначе,
этот кашель на замершей ноте
не сбежит от больничного цинка, -
не заплачут ни дождь, и не даждь

днесь короче, зайдутся от плача
только строчки в бессмертной икоте -
стеаринка, стерильна простынка,
грифель, вышедший за карандаш.

расскажи, что поймешь напоследок
там, где нам разминуться не скажут,
где венки мы плетем голубые,
пулевые от пыли поля.

и не деток у нас, - только лето,
ни забот у нас, - если бы даже
пощадила тебя и забыла,
отражаясь в лопате, земля.

* * *

вышел зайчик погулять –
это хармс ушел за хлебом,
опускается в тетрадь
разлинованное небо,

небылица налегке
не пылится за решеткой,
шатко-валко вдалеке
только облако из шелка,

да чижи еще галдят -
недопойманы, сидят.
недопоняты поэтом,
понятых из рук едят.

* * *

сначала я лопату заточу
о край скалы, очищу от травы
налипшей.

и, ползущий по лучу,
червяк хвостом достанет головы
и пополам назад отпрянет, швы

рванув, - стряхну и вечность получу
в обмен.

а можно рыбки золотой
отведать между ирисов и лилий,
в реке дрожащих: мы ее полили,
сухую воду по погоде той
позапрошедших лет, мои ладони
перечертивших так, что не догонит
по лабиринту пес, на водопой
спешащий.

от него плеснет по жабры –
и на три буквы, три желанья, жаль ей.

так загадаю, падши, по звезде:
она меня преследует везде.
но до захода мне перепахать
все это поле в выцветшей крапиве,
роняющей сережки на кровать
уже чужую, и чешуйки в пиве
от воблы вот бы дольше разминать,
да от купавы ветреной в разливе -
и этот луг.

по локоть засучив
рукав, роняю лебедя направо,
а мне - налево.

и мотив звучит
в виске, нагретом черенком, и травы
меня склоняют в свой черед, и дерн
я, с четырех сторон взрезая землю,
тяну за волосы под скрип ворон,
и сквозь глаза мои восходит зелень.

* * *

четыре речки льются под окном –
стоячая, лежащая, живая,
а *по одной* я вовсе уезжаю,
и по другой мне мало за столом,
и под стеклом душа моя горит,
и сам с собою ветер говорит
о том, что пьют не чокаясь, и не с кем.

такая речка не гниет с хвоста –
но с головы, заканчиваясь невским
проспектом, где по нашей стороне –
опасно, и по гоголевской тесно, -
я не смотрю туда, но мне известно
всё про нее, чья совесть нечиста,
и где на санках пращурьезы везут
друг друга, а в реке стоит мазут
и трупы в ряд колышутся, глаза
от корюшки прикрыв на образа.

но я другою речкою залью
прямую речь, она по скалам скачет
и ржавой кровью все переиначит,
осиной прорастая в жизнь мою,
перебивая срубленным стволем
посередине, - тише за столом!
сама себе откупорю бутылку –
смотаю речку, как веревку, в ссылку,
и завяжу по памяти узлом.

пусть будет третья, раз ее нельзя
теперь ни выпить, ни поджечь, но в мае
я эту бездну пеной обнимаю -
тАк окунаюсь, на себе везя
ее стремнину, заворот судьбы,
когда она цепляла за столбы
окоченевшее от боли тело –
но я молчу, прости, я не хотела
всю эту муть со дна, - от той реки
мы оба, милый друг мой, далеки
по обе стороны земли и неба,
куда мы вытекали вслед за нею.

а вот и рейн шампанским от винта
дорожке лунной путь перебегаает,
меня перебивая: я не та,
что ты зубрил, твоя перекидная
без масти карта, взмылена петля,
из-под прицела выбита земля –

но я-то вижу отраженье в пятой
реке, где не дают мне обернуться,
и уши заложило сладкой ватой,
как в детстве, - наконец-то не проснуться,
и лета не водой омоет, - датой.

* * * # *С-Э. Ибрагимову.*

коран, сура, аят. стоят из подземелья
без имени и глаз, расклеванных свинцом,
все кто мне не был дан по щучьему веленью,
все те, кто смертно стал мне братом и отцом.
урус-мартан в росе, сияющей кроваво,
окостенел в шали цветочный камуфляж.
опять придешь в себя, когда пойдешь направо,
пока налево дым и чад вступают в раж.
и чудится, что склон личинками осыпан -
пасущихся овец не досчитать, как звезд,
и дети дребезжат, и мать окликнет сына,
пока еще не встал, пылая в полный рост.
и хлеб в печи хрустит, и отдаленным громом
ворочается холм могильный под щекой,
и ты, моя земля, не отошла другому,
и – дал мукхла – к реке придешь на водопой.
мы жизнь переросли, она стоит в сторонке,
зима ей холодна - закутай в облаках,
как горы и снега, - но пощади ребенка
последнего, что смерть качает на руках.

* - бог даст (чечен.)

* * *

А.Барсукову.

как ты, жив ли, милый друг,
не продрог без шевелюры,
без велюра, без дорог?
бездне мелко для аллюра,
шевелю я память вспять.
только, воя и воюя,
бог забвенья клонит спать
и клонирует виденья:

в итальянской пене нимфа
пьет шампанское из моря,
да по-русски, да у них-то
слов не хватит на заборе
рассказать об этой жизни
неприкаянной, свершенной, -
на березку солнцем брызнет
от собачки освеженной.

* * * #

я хожу на войну. ежедневно и буднично.
еженощно, по праздникам, не пригибаясь.
отрывает мне руки и ноги заученно,
многократно, за парня того и на зависть
этим, крайним, что в хате с пельменями глушат, -
и ушат их не будит, и взрыв маломощен.
и не будет им памяти в детях, и лучше
им и проще не станет, когда, от пощечин
цепеняя, подставив по правой и левой,
наконец принимаю свой бой угорелый
и лицом отражаю пожарные блики
тех, которые в битве опять полегли бы -
если б только могли.

* * *

пятнающий меня придет на смену,
забросит сумку, снимет шляпу, скурит
под фильтр
и не просыпет пепел.

разуется, в цветы добавит воду,
в стихи – огня, себе – меня, погоду
и музыку – под настроенье.

на построенье будет перекличка, -
и вот тогда захлопнется кавычка.

* * * *(шутка. де-юре).*

грипп улетел. я перезаразила
и птиц. схватило холодом коленки.
не так уже далече до нетленки –
зато от вас все мельче окуляр.
вот юбиляр, - вы за меня поздравьте,
поставьте ему что-нибудь на скатерти,
пусть окунется он в ликер и кляр.
наутро вспомнит, головой мотая
по новой срок, что я была такая
непредсказуемая, налегке
не поминай ни лихом и ни ликом,
а что была – так вот ему улика,
зажатая строкою в кулаке.

* * * *Е.Минину.*

стихи меня пижут. кормят с легкой руки,
вопреки материи – музыки третий глаз
приоткроет ресницы и водопадом фраз
в листопад швыряет, и по воде круги
не расходятся с делом. (время – потехе час
в этом теле, уже онемелом, но не для вас).
треугольник бермудский поглотит во плоти - а душа
все еще не спешит, не дыша.

* * *

не набивайтесь мне в друзья.
вы у постели не стояли,
пока еще дышала я
и выла, слышима едва ли.
луна восходит по прямой -
домой над волком и собакой, -
и я, задернутая тьмой,
светила, чтоб никто не плакал.
глотя вкусные слова
за неимением общенья,
я, щебетанием жива,
не заслужила всепрощенья.
и, стороною обходя,

не проникая черным ходом,
со мной прощалась загодя
дорОга жизни гОрода.
благословляла родина
на пытки, на забвение,
а мне казалось – вроде на
мое благословение
сквозной Земле израненной,
затерянной в пути,
где, млечной, мне заранее
заказано идти.

* * *

#

Свете Бахминой.

как святится имя твое?
непорочное, неручное.
под невзрачной стеной барака,
где обглоданная собака
тенью мечется заводною,
и звезде обломали лучи
по кровавые кирпичи.
говори со мной, не молчи!

колыбельную спой мальчишкам
запекшимися губами,
а не можешь произнести –
отвернись, это сон, это вышка,
приговор исполняем сами, -
последнее нам прости.

мы уйдем в золотые клетки
навсегда, растворившись в пыль,
для овчарки твоей – объедки,
для просторов твоих – ковыль.

а тебе - освещать дорогу
нашим скученным детям и богу.

* * *

*«Но я лежал как снег на пустыре,
спал». Арье Ротман.*

безвоздушное пространство нас еще держит. плотность
речи # нет, концентрация вѣтра, ветка сирени
блеклой и отходящей, - голову вскинув, соткан
куст из меня и дождя, звука, заката, тени.
так и по мне ходили, башмаки вытирали, счастье
ели трехперстьем, брызгали фосфором эти пчелки
безработные, мы – не будем с тобой о чести,
о судьбе истончившейся, как сетчатый лист, нечеткой.
вот я, убийца по любви и призрачью,
вот ты, захватанный, питанный всей душой
беатриче, лаурой, птичьему пенью
судорожному обученный: не дыша, пой
ветру портрет, хотя бы узкую рамку
между собакой и волком, юностью и уходом
к свету из мрака, в ночь от солнца, где зелень робко
крылья стрижет под скрежет, и зарастает тропка.

*(знаки верны).

* * *

сеточка отжившего листа.
паутина лет моих и зим.
небо раскроили самолеты.
по воде круги – и ты чиста,
и при жизни тающей бесплотна.

камень бросят вверх – он запоет
птицей заповедь: забыли запереть,
на ладони истончилась песня.

бестелесна - не воскресни, смерть,
мне хватило уходить последней.

пощади же паука и муху,
ищущую тень его по слуху.

* * * #

мусора́ мои, мусора,
ни имен, ни лиц – нумера.
память рваная, и в расход
совесть пущена: спи, народ.
снится дальний кандалный звон -
и вечерний под хруст ворон.
воронок ему, вороват,
по судьбе идет, виноват.
хорошо ему на печи,
прожуют его стукачи.
прокати меня, мой народ,
до тюремных своих ворот.

* * * #

потяну винцо – это значит, не той религии,
в которой уютно,
и зря раздают регалии,
но еще больше воротит там, где прилюдно
рыдали и раздевали.

корвалолом, но не карнавалом,
и водой по зубам леденящей
встряхивайся, лечись:
испытваемый мальчик
просаживает мою жизнь

в камере на четыре,
где по одному в затылок.
на общем фото застыла
ошарашенная улыбка отца,
ошалевшая мать, до конца
не понимающие этой черствой молитвы, -

а мы могли бы...
там, где ложатся в горах
тени
на лучи погибшего тела –
там я в теме.

* * *

ворошу подметкой оторванной листья, труху,
муравейник осевший, опавшую душу, камыш,
горизонтом обрезанный, всплеском плотвички в уху,
переливающуюся в тишь
на том свете памяти, где не сорванные грибы
остаются упругими без ворожбы,
а морошка уходит в трясину дурмана и мха
костлявым и мелким телом стиха.

вдруг ужалит: нельзя туда, не вспоминать,
опрокинется небо, навеет облаком блажь,
и полжизни отдашь за коня – примять
ту траву и гриву на карандаш.
зверобой пятнистый, - кольнет игла,
бросит шишку елка, и белка смахнет хвостом
меня и крошки с того стола,
где разменяли дом

и то, что было родиной и семьей,
за стеклом дрожало зноем перед грозой,
и первыми ландыши слизывали нас с тобой –
тяжелые капли, идущие на убой.

* * *

горящий труп встает и вьется, извивается.
в печи в полсакса подвывается, поется,
что ничего не забывается, - оваций
струится оцепь.

луна беременна – намылилась, намаялась,
того и лопнет, мы под ней, задравши головы.
опять я буду неприкаянной и маленькой,
подай мне слово

там, где пустыня кочервяжится стоокая,
где, кроме бога, ни суда, ни пересудов,
где только с эхом я прощаюсь и здороваюсь:
и отовсюду

оно зовет меня, как память: мы ли были там,
и целовались, говорят, - и пели песенку?
а что вся жизнь до дна и выпита и вылита,
так остаемся в ней теперь навеки вместе мы.

* * *

Зауру Талхигову #

какая разница, милый, кроме комфорта, -
ты там сидишь за решеткой, в землю упертый,
как ты выражаешься,
упрямство сгрызя и ногти,
или Я тут, лия на высокой ноте
что не сказали, и силимся только сниться
друг другу с чистой страницы.

какое пространство нас отделяет от времени,
в котором мы не совпали, и в знак
горения
общего и гореванья, не слыша русский –
я тут в хоромах и ты там в своей кутузке?

ты в одиночке, тоскуя навзрыд о дочке
в какой-то там франции, - я тут, с видом на точку
в конце беспутства, озираясь на родину,
пожравшую сына, забытого и украденного?

вроде мы дышим с тобой в унисон, строим планы
на троих, - тебе сидеть еще сколько –
пять, четыре? добавят тебе, добьют ли
по амнистии, снова запрут уютно,
плавно истину переписав и скорбью
разорвав наконец мне пустое сердце?

мы, конечно, с тобой заживем на том свете,
я дождусь тебя! - что мне ответить, милый
взрослый мальчик, истекающий кровью
и временем у меня в изголовье.

ты закрой глаза, не мои пока что,
вдруг тебе там дочку твою покажут;
горы снежные, кони на них пасутся,
паром фыркающая, пальцы твои вбирая,

и тишина такая – что нет по сути
ни войны, доведшей тебя до края
пропасти, ни возможности наклониться
и отражение вспомнить: так изменился!
неузнаваем, по склону бежишь обратно.
вот же я, рядом.

* * *

в третьем риме жжет нерон факела,
долетает, остывает зола,
рот забила, слов - невпроворот,
это тело вырвалось вперед
от души,
пока она плелась,
носом в грязь.

это тело на столбах висит,
нерасклевано, на свет сквозит,
и на тот потусторонний свет
мы оглядываемся и сверх

меры шуримся, ослеплены,
и в его тени тесней видны.

вот мы согнуты, преклонены,
вот мы стелемся нерону ниц,
и ни лиц у нас, ни цены
нам, продажным, нет, ни вины

в том, что носом душа клюет,
что проснуться ей невтоготу,
что на коль ее на кольЕ, -
победить ее немоту?

что не жги сердца, не терзай, -
дед мазай придет и в мешок
сложит зайцев, так отползай,
за кустом его жди, дружок.

а душок от тебя – что ты гнил,
что боялся ты за версту,

что колени протерты гнул,
и не мил ты мне, и не ту

выбрал ты стезю, - гниль горит,
а душа - с душой говорит.

* * *

нога сползает как змея,
шурша в капроне.
и вход
закрит вам, посторонним.
а он пусть видит, -
и птенЕц на ветке
заглядывает
в наши клетки.

а он пусть выплеснет
шанель на платье,
не для него его
боюсь измять я.

на хОлмах грузии
от оспы
хванчкара
в песок уходит, и струит жара
тюремных пыток сладкие извивы, -

а что
хотите о любви вы
услышать,
павшие солдаты,
на постаменте замыкая даты?

* * *

СЫНУ.

пусть он уходит, поезд, зацепивший
меня и рельсы, - поменяешь даты
в календаре и, замертво напившись,
даст бог - не попадешь к ментам в солдаты.

но если ты очнешься в одиночке,
но если выбьют все мои алмазы,
то, вспоминая звезды темной ночью,
ты не жалея о прошлом и не майся:

нельзя унижить никого, мой милый,
душа встряхнется и отыщет совесть,
а то, что свет в конце еще не видно, -
так и туннель не попадет под поезд.

пересечемся мы под облаками,
там столько наших соберется дома!
и будем

 речь тянуть
 глотками, -
так передай ее
 другому.

* * * #

*«Вот когда-нибудь мы сядем за чашечкой чая
и поговорим о высоких материях...»*

(Из тюрмы).

выпьем по чашечке чая –
боль твою укачаю,
ты будешь пить за решеткой,
а я у себя на диване,
в двух эмиграциях, шелком
обитых в нирване.

прокуренных дымом отечества
и лагерей.
и ты можешь им обжечься.
но пей давай поскорей,

пока не вошел надзиратель
по локоть по нашу душу.
меня он стащит с кровати,
тебя – но ты не дослушал:

пока он сопит и занят,
чай недопит простынет.

это монтень не знает -
что мы его простили.

сдавленного кандалами
только небо магнитит.
займись своими делами
и, здесь пролетая, выйди

на волю, на запах чая.
а я уж тебя встречаю.

* * *

А.Барсукову.

я только завтра смогу узнать,
где теперь буду жить –
в раю траву голубую мять
или в аду грешить.
не приглашаю тебя пока,
повремени, дружок.
вот тебе тени моей рука, -
сделай еще кружок.
на посошок не забудь принять –
на грудь и на века.
будут привязанными при нас
намертво облака.
что мы не видели там, скажи,
вглядываясь сквозь свет
из-под ладони прозрачной? – жив.
жив ты, раз тебя нет!

* * *

пережидаю грипп как дождь, как ржавую грозу,
и вспоминаю, что сирень – синель, в глазу блестит,
и во весь рост отряхивается, по ветке вдоль,
щенок, и смахивает боль он с мягких лап твоих.
вагон сморкается, поет на стыках и винтах,
и на пуантах ночь дрожит – а думает, рассвет!

ну нет меня ни здесь, ни там, - заложена цветком,
я где-то между трех страниц блуждаю в облаках.

- а вы, мой ангел слюдяной, не плачьте ни о ком, -
какой вы ох, такой вы бог, какой вы ах!

* * *

как женщина, закрываясь «не надо»,
опрокидывается наугад, а
ты, нехорошее слово, ставишь преграду
в виде, в общем-то, смертного приговора,
а что там в обществе принято – мне придворный
чужд этикет.

возле арки главного штаба,
вечно сырой и прогдрогшей, - разматывая
полосатый шарф, греет руки мои прохожий,
напоминающий мне тебя, боже
праведный,

а все же обратно
мне никогда не хочется - в память
падать ничком. спасибо тебе, что зАмять
перехлестывает стёжки-проспекты-дорожки
еще до подножки.

но иногда я смутно припоминаю,
и эта сцена немая,
уже безымянна, безлика,
будто луна, -
освещает мне путь одна.

* * *

кто такие друзья? это ветка соседнего ясеня,
семейство ворон и сорбка,
они тебе день разукрасили
и не дали срока;
это цапля, к окну взлетающая, -
дрессированная собачка:
так и живи, пока еще
мала ей твоя подачка.
гиацинт, распустившийся рядом
и требующий внимания,

и нарциссы под снегом, садом
окружившие, и германия,
горько пахнувшая дымом,
и страница по-русски.
это и стало домом
в моей золотой кутузке,
где только я да зеркало
помнят одно и то же,
да судьба исковеркала
шагреновую нашу кожу,
безразмерную память,
от которой сама я пячусь,
под которой с ума я спрячусь, -
пойдешь налево,

*направо,
прямо...*

* * *

вам, как всегда, на фронт, мне, как тогда,
без молока и с сахаром, с пирожным –
безе, конечно, в щечку, каторга
сопутствует слезам и подорожным.
трактир пустует, сучка не скулит,
зализывая бок заледенелый.
кто этот побирушка-инвалид?
мой милый, что же я тебе не сделала?

* * *

«Хотя любая страна – всего лишь продолжение пространства».
Бродский, *«Посвящается позвоночнику».*

любая жизнь – всего лишь продолженье,
по вертикали сна и напряженья
выстраивается единый он,
подбитый нами с четырех сторон,
растущий на две, где пространства нет
и времени, - вот силуэт
из поколений.

любопытно, чьей
рукой он закрывает свет очей,
и от кого там застится он, бедный,
под океаном и над небом-бездной?

* * *

ни в масоны, ни в лауреаты – прости меня, нобель,
эта небыль сквозит в указателях дао,
где деревья летают, увешаны бирками,
будто в морге, и ценниками моргают.
я сюда не хочу, я иду за кибитками,
да и фата-моргана моя не мордата,
и беременный лес расступается к ночи,
протараненный: черные слезы гепарда
гумилевым и богом впечатаны в щеки.
так и надо уйти: об тебя не споткнутся,
кто уже наступает рассветом на горло
своим щебетом птичьим. - и не обернуться,
потому что следы впереди серебрятся
на листве и воде.

* * *

ловить губами запотевший бок черники,
зеленую букашкой задыхаясь.
себе на зависть

сдаться

в ученицы

волкам и лесу, эхом затихая.
и, затекая ручейком смолистым
вдоль по стволу еловому и злому,
самой не мучить и теперь не злиться,
и навсегда уже уйти из дому,
где и не ждут, свечей не жгут, не прячут
по закрамам ни слезы, ни стенанья,
а если плачут – милые, тем паче,
хотя бы память будет за стенами,
вся – между нами.

но в минуты молений
выстраивается
иерархия. анабиоз –
лекарство, что мне
довелось
воспитать, но, не вспоминая
дом, где скрипят половицы,
и родину, что настойчиво снится,
как подглядыванье сквозь ресницы,
естественно, на огонь –
там не тронь
святое, откусывая по звуку и запаху
голос,
вОлос,
и все это затхлое
болото улыбок, сливающихся в трясине,-
память отца о сыне.
но еще остается речь.
и она тебя будет беречь,
раскачивающегося на осине,
если не докричусь я
сквозь решетку черную, серебряную, голубую, -
а что всегда я с тобою,
ты чувствуешь там,
где деревья сбегАют с горы
к поезду, по пятам,
где вороне не спится полночью, -
до поры
успела подняться душа?
с божьей помощью,
вороша
имена и
вспоминанья.

* * *

#

Олегу В-фу.

тебя я пару лет не вспоминала,
погрязшего в кастрюльках и пеленках.
вот если б я была твоим ребенком...
но похоронка обо мне зияла,
и втягивала память о тебе:
в наручниках – и вывели из зала.

меня читает только кГБ,
но – разных стран, спасибо им на этом
(авось да поумнеют, и ответом
я их снабжу досрочным с канапэ,
задрав коленки не с того ли света,
куда заказано спешить толпе).

как я жила? не замечая суток
в своей тюрьме. когда тебя пасут, так
спасут случайно, может быть, от слов
излишних и движений осторожных:
мы все замешаны на бездорожье
под музыку приспущенную псов.

меня тошнит от кремового торта, -
не токсикоз, но пзк* и спертый
дух родины, просвечивающей
из всех щелей, просверленных на память,
куда на запах щей так больно падать
и просыпаться меж твоих вещей –

кастрюль, пеленок и стихов под хмелем.
шприц подбери, - да и твоя емеля
размотана по истечение лет,
где не было меня, не оказалось,
из зала вывели, чтоб забывалась
в чужих наручниках под пистолет.

как я одна была? как все, вповалку,
в избе горящей, где себя не жалко,
поскольку все едины пред огнем.
с конем управиться – так я по-русски:
мои мальчишки брошены в кутузки,
мои мужчины на войне о Нем

не вспоминают и кричат гортанно,
перелопатив дулами те страны,
где мы с тобою мысленно живем,
но не встречались... я с тобой прощаюсь:
ты стал мне мал в кастрюльках и пеленках,
любви земной, чадящей на лету.

тебя не пустят за мою черту,
накуренного рваными стихами,
несостоявшегося... - затихая,
вот только, дура, слёзы оботру -
да, с петухами, нет меня к утру.

*политзаключенные

* * *

да что страну! три года я ребенка
не видела, не слышала впотьмах.
да что по-русски! я теперь по-птичьи
карабкаюсь по притолке в домах.
где та сторонка? – сторонится, пьет,
не в красный угол загнана, а влет
гвоздем прибита и дождем заштопана –
родимая, заглохшая, да чтоб она...

* * *

я научилась в памяти гулять,
раскланиваясь
с буниним, набоковым, -
не то что мне теперь не одиноко (вы,
дай бог, не знали этого, как ять, -
пересекая невский, красться вспять).

предпочитаю спать, не просыпаясь
к утру: заметишь палец – хапнешь руку
и различишь знакомые черты,
и отойдешь. – а мне еще томиться,
где эмиграция на ты разлуку
зовет (кис-кис, - и брысь опять в темницу).

я поздно поняла, что от меня
зависит мир воображенья: спячку
на вдохновенье выменяв, задачку
решить, где не найдете вы меня
среди замков на песке, - в морщинах заткан
лоб океана, дно его ребристо,
и замкнут горизонт, и серебрится
висок прибоя, сдержан и высок.

из осколков зеркальных и взглядов
составила память
на беспамятстве,
перешагнув через гете - по нотам,
через голову бога – к подножью,
где на подмогу
не взываешь к родителям,
испеленным попутно
и беспутно, понятно,
поскольку и полночь к полудню
все пронзительней льнет
и торопит себя, спотыкаясь.
(стук копыт – это дьявол спешит,
а его из помойки
отражает поэт заблудившийся
перед расправой,
и еще одна женщина
все примеряет веревку, -
хороша ли обновка на каме, -
своими руками).

* * *

интересно, на каком витке пытки
я замру, оставив попытки
проталкивать вдох из глотки?

на каком кругу плетки
заканчивается улитки
спираль, до сахарной нитки

истончаясь?

* * *

кошу траву, пока что дети спят
среди слепней, затмения и опят.
вот маргаритки обхожу в траве,
коровкой божьей прячась в рукаве
того, кто помогал мне затупить
по острие, и не давал допить
за тех, кто в.

пока что дети спят -

они уж
старятся до оводов.
я стерла руки. выдерну, без поводов.
о камень звякнула, - поет коса!
и так всё
приторно и молодо, -
отводит солнце красные глаза.

* * * *Саше.*

последние конвульсии любви
божественной, природной, безграничной,
когда ты растворяешься в реке
и по волне плывешь в моей руке,
по жизни ледяной и безразличной
второй десяток лет – навстречу нам
самим,
как бы поще-чи-нам,
вернувшим
из небытия
всё, что ты видел,
где осталась я.

- что видел ты в неведеньи моем?
там тело гладкое,
как после
всего хорошего, что возле, -
всего хорошего, - вдвоем.

но я не помню, к счастью, голосов,
тебя ловивших в сети, лед ломая
посередине (на исходе) мая
(любви и жизни там, за полосой
нейтральной, где для мўки места нет,
поскольку горе растворяет след
петли и тени, и речных растений,
что обнимали это запустенье).

что видел ты оттуда напросвет,
где кромка воздуха глотает воду,
и небо не колеблется в ответ
души, стремящейся к водовороту?

что ты просил со дна, там, где песок
копирует извилины и рёбра,
приподнимая с пятки на носок
в последний раз, чтоб повидались оба,

затягивая взгляда тетиву
петлей на шее, - для чего живу.

* * *

ласточки срезают ногти
там, где под дождем всё мокнете
вы, - прощайтесь на лету,

и стакан, по горло налитой,
подведет последнюю черту

черным хлебом, как плитой,
захлебнувшись пустотой.

* * *

Юрию Тарнопольскому

утром, заплетая реку в косы,
по инерции отвечая на главные вопросы
о жизни и смерти,
что в сущности тавтология,
я успеваю у зеркала повертеться,
удваивающего аналогию, -
вот еще блестящие нОги я
не вытерла после купанья,
а уже на пороге, и -
лететь вслед за вами,
облака́, оттеняющие
то, что там я не вся еще.

* * *

когда муж – это ребенок с отключающимся сознанием,
а ты - вместо сиделки,
изначально, с «черемухи», - то что такое измена?

бумеранг отлетающей восвояси тарелки
и души, набивающей цену
перед зеркалом, где бесплотна она и упитана в меру,
и красна на миру, как заплаканные глаза пионера,
пришедшегося в отряде не ко двору.

и я там рыдала за пленницей, скатывающейся под ноги,
без родительской субботы и конфеты-тянучки,
когда мы думали, что у жизни вся поднаготная -
погадать на ручке и добежать до полочки.

а морской песок повторяет извилины мозга
и впалые ребра,
а поэзия – инструмент постижения мира иного,
когда - гляди в оба,
не то мало окажется много,
разматывая серпантин, по которому убегает от нас
дорога.

* * * (с той стороны).

быть на руках убийцы и бойца,
недострелявшего по тем мишеням,
которые сегодня гонят в шею,
во имя сына и отца,
нас – иноверцев – под прицел конца.

в объятьях быть у смерти, на краю
отчизны, где взрываются могилы
уже беззвучно, - оттого пугливы
лишь птицы, за которых я пою
всю жизнь испепеленную твою.

за то, что ты таких недопытал –
неопытных, открытых, допотопных,
кирзю ржавой битых и истоптанных
и за тобой ползущих по пятам,
чтоб ты их души вечностью пятнал.

* * *

как женщине, изнасилованной полком,
ни о ком не нужно заботиться,
потому что всё пусто, как водится,
и засыпано дустом, чтоб видеться
в свете ином –

когда блики под потолком

(он приподымается, - так на руке умирающий,
пока еще вглядывается, не пора ли еще
и мне за ворота, - но Кто ты там, в темноте?!).

в общем, как женщине, всё мерещатся сумерки те,
что обещал ей блок,
а потом подтолкнул и помог – сюда, к высоте,
где ни живота нет, ни ног.

* * *

«Она тупо ждала чего-то – не то сына, не то смерти».
Бунин, «Веселый двор».

заходи попрощаться, сынок.
на венюк посмотреть и на венку
у виска, где не тает

навек
приютившаяся тоска
по тебе:

за три года подрос –
не вопрос, не ответ, а риторика, -

как ты жил без меня, как ты бос,
блудный сын постоялого дворика?

это небо пустыни глотал,
эти рёбра со дна океана
пересчитывал, клокотал
и не вырвался из капкана

той же жизни, что я навязала
на транзитке,
где кафель вокзала
отражает семейное фото:

это мама. но это-то кто-то?..

* * *

солдат.

жаль ты моя беспредельная -
и щетина недельная,
и слеза по щеке
остывает в руке.
ткнуться тебе в плечо –
и горячо расстояние.
полыхает за нами она –
родина,
это что такое
в вечном покое?

* * *

ладно б, нужен тебе был юноша,
моей розовой кожей встревожен,
этой замшей и вишней возвышен,
поцелуями обезвожен,
занавешен ресницами легкими
клятвой пустой завьюжен, -

но мы-то с тобой нелетными
стали давно
и дружим.

ты умеешь хотеть – а помнишь,
как ты манишь и стонешь?

вот проходит солдат стороной,
зависая дождем над страной
испепеленной, - помочится,
и война остынет и кончится.

* * *

«Как медленно пляшет петля
Дождя возле отчего горла...».
С. Касьянов.

до удорожания жизни удить нам и нечего.
до одури биться и мелкой плотвичкой выныривать.
а знаешь ли ты, что отсутствие – и есть величие?
намыливать эту веревку, и женщину, вычленишь
зерно возрождающееся из наших объедков –
оно прорастет сквозь асфальт. а меня не объехал
еще ни один, не объездил такую, что в пене
идет из воды - прямо в руки идет,
прямо в петлю.

* * *

выпрыгнувший из окна женщины
попадает в капусту,
потирая ушибленное и ухмыляясь,
там, где на заднем дворе пахнет
дустом
и у других вызывает зависть,
что ты завяз, -
но туда не вернусь я,
в следующий раз, раздеваясь
и те же слова повторяя, ежась
или даже стреножась
от священного ужаса, -

да к тому же ты промахнулся,
не в меня впиваясь, а в отражение,
застывшее в битом зеркале,
и обнимаешь ты не меня, не ее:

хозяйева были – уехали.

* * *

подобрать кем-то брошенную женщину,
не пнуть ногой, а взглядеться,
что там еще завещано, -

точней, занавешено
и не пробилось из детства,
пока она спит, а ты куришь вторую пачку
таких вот изломанных, смятых
и, устраивая ту же качку,
снова не для меня ты.

* * *

была бы вся жеманна и таинственна –
как дочь полка, желанна и единственна, -
а я сама солдат с передовой,
работаю собакой ездовой.
отряхивая пену и объяття,
я на ходу сменяю- ..., снимаю платье,
и станется с меня перестрелять
пустынным словом и отца, и мать,
и родину, забившуюся в пыль,
забывшую упавшую в ковыль
вперед лицом за идеалы
пустого зала.

* * *

а.с.

ты учил меня верности виртуальной - и не взаимной,
я ждала тебя год – лишь бы голос послушать и фразу
бесконечную, - вот

я нашла тебя - и не поймала.

только перышко злится в руке и разносит заразу
откровенья: пойми меня, женщине быть безразличной
не к лицу молодому, смеющемуся над другими,

чтобы мало-помалу осыпаться, - и только имя
чуть встревожит в объяттях похожих
тебя,

но поймали с поличным
нас раздельно - и в жизни другой:

как тебе она, впору –
в коктебеле, пицунде, в каннах и на канарах?

ну а мне-то – на нарах твоих
потому, что нет выхода мне
на свободу из рук зачарованных,
с нацарапанной кличкой,
там, где ты просочился
мой конвоир.

* * *

как любили бы слабую. обожали бы, - я говорила.
обжимали бы бабу, захлестывая на перила.
уважали бы женщину. даму бы околдовали
не духами, мехами, что полыхали на даме
запрокинутой в оторопь, - что с нее взять, кроме стоны,
кроме стана летучего, змЕя ползучего, звона
половецких колец и тяжелого жаркого смеха?
потому что он предал, уехав до первого снега.

* * *

и.ж. (Игорю Жогальскому)

я узнаю дом
по оторванному шиферу,
по загнутой жести
на водосточной трубе,
неприличным жестом
показывающей тебе,
что здесь вот и жили вы.
вот бы мне аутисткой быть,
не зависящей от общения
и той памяти, где нет прощения
березе:
ее вина,
что жива она, как четверть века назад,
и какой-то мужчина тычется наугад
чем-то, как ножиком или щетиной,
и царапает имя.

неизлечимо

там столовка была с винегретом и каберне,
подорожник пылил сквозь асфальт,

чтоб откашливалось тебе и мне
общей родиной, брат.

произнеси-ка в транскрипции
все эти тени и лица и
солнечных зайчиков пляс,
по которым я знаю,
что кто-то дома у нас.

* * *

как ты, марина, справлялась?
со взрослой душой –
телом, таким молодым, непослушным, с ненужностью.
службу отбыть, - а кто свечку над нами держал -
вытянул душу всю.

эта дешевка – не жизнь, и встает на дыбы
строчка на платье, и автоматная очередь
пляшет транзитом, трассируя надолбы
против любви, - и не видно ее из-за прочерка

между рождением и гибелью невпопад.
вот я спросила тебя – ну чего дожидаться нам?..
недостижимый на небе качается брат,
птицы стократ повторяют земные овации, -

да и поклоны. под куполом вытертый пол,
выстукан лбами. но сутки-то как продержаться?!
аве марина, мир суетен, вечен и подл,
ты прибереги меня, побереги, не помилуй.

* * *

любовь проклятая пахнет левкоями,
а когда ее нет –
значит, вечным покоем, и
тень моя колышется на волне,
не совпадающей с твоим временем

и теченьем подводным: именем
тебя не назвать,
ведь неуловим
тот, кто был Им.

* * *

а.с. (- это обычный сетевой актер).

не умирается! я пробовала – всё
почти. и босиком в росе,
и по веревке с облака спускаться.
клаустрофобия любви неисполнимой
мне говорит, что выхода нам нет
на сцену жизни, и в любом обличье
тебя приму я – за другого.

невиртуальна переключка птичья,
но слова нет – и берега иного.

* * *

«На твой безумный мир
Ответ один – отказ». *М.Цветаева.*

соскребаешь высохшего ребенка с тела –
плоды любви были скользки, а как ты хотела?
а как мечтала, - вот подавись рыданьем
на молитве, ловитве, ты вся – с опозданием,

и в мерцании взгляда, и убегающая по лунной дорожке –
дура, не промочи ножки, тебе никогда не отмыться,
тебе не достанется нашего счастья ни крошки,
мы – это люди, где от тебя двоится

на застолье. и швыряют кость тебе, как собаке, -
гостье
посреди драки.

* * *

каждый день мне кажется, что я больше не выдержу взгляда
пустого экрана, почтового ящика, окон,
отражающих то, чего мне видеть не надо,
и к чему весь мир так пунктуально подогнан,

а я всё не подохну никак

ни от разряда
затаенной страсти, ни от колкого «здрасьте» соседки,
поджавшей губы, или прохожего, рядом
в рай из ада спускающегося, как птица по ветке.

* * *

как бы сделать, чтоб не возвращаться.
попросить заступиться на небе?
в черном хлебе разгладится вмятина,
память вытрется, пообтешется.

погляди напоследок внимательно:
попадешь сюда, может статься,
так хоть будешь знать, где тут вешаться,
ведь не вежливо переспрашивать.

* * *

«Бродяга остается - вне...». *М.Цветаева.*

ваши горькие тополя
забыли мой запах и свет,
не помнят дОма и для
не живут, поскольку их нет
вместе с нами, и снами
для воздушные замки
прошлого, знать не зная,
выворачивают наизнанку
веревку мыльную – душу,
выкручивают мне руки,
чтоб речь родную не слушать,
захлебываясь по-русски.

* * *

мужчина – это тот, кто не защитит,
кто променяет. о кого вытрешь ноги
после купанья,
забираясь в постель,
где любовь без названья
щит спины выставляет.
потом еще год мутит, -

и разглядываешь с пеленок его отраженье,
ужасаясь на поле сраженья.

мужчина – брошенный твой ребенок,
он плачет беззвучно и поступает по-своему,
пока ты ползешь за ним, отбивая колени, он, обновленный
с твоею подругой, обоих любить позволит

или нет, под настроенье и занятость, -
ты сама на такого позарилась,
опозорилась, чтобы корюшкой и огурцом
пропахнуть перед концом.

вот и пишешь, - изменить бы его дыхание,
точней, облегчить и продлить его,
спасая плохими стихами
(там, где не бывает третьего)
от кровопролития.

* * *

итак, подстричься. переменить палитру.
платье укоротить да и выйти на люди,
так и шагать, точнее, ползти по миру,
чтобы не видели, а на деле бы - ненавидели
просто от скуки, вместо поллитры, - маленькой
даже назвали, - она и поверит: выжить бы!
выдержать натиск тоски, равнодушие ближних
и наплевать дальних, покуда не вышибли
из рук всевышних.

* * *

скоро пятнадцать лет не даю тебе приближаться,
точней, отворачиваюсь, когда ты выходишь из тени,
как строка недосказанная абзаца,
зависая куполом над ступенью
перед собором, куда задираем головы
такие наивные, голые, неоперившиеся,
два еще, уже целующихся голубя, -
давай уже, наконец, забери еще
неостывшую за собой, к себе, на колени
опустившуюся перед полыньей и могилой,
как перед мужчиной, которому лень и
неохота раздеться:

спи, милый.

* * *

#

моих друзей
еще не всех убили,
а то бы свету прибыло в могиле,
но их темницы озаряет свет
моих друзей, которых с нами нет.

* * *

«Может молчащую меня жизнь *стерпит*».

М.Цветаева, зап.книжки.

глиной не залепить, как сказал товарищ.
он познал всю эту лишнюю говорильню,
винограда давиленью,
ног – с отрываньем подметок
на бегу промозглом, и от пожарищ
зарыванье в пепел
и вынос урны:
нет ни писем подметных, ни обещаний,
а никак не согреться: и вы на судный
день такими проснетесь, уже с вещами.